

МОРШАРТИ

*Моему другу Мэтью Маршу
и в память о Генри Марше,
1982–2012*

Из лондонской газеты «Таймс», 24 апреля
1891 года

ТРУП В ХАЙГЕЙТЕ

Полиция не дает объяснений по поводу особо зверского убийства, совершенного на Мертон-лейн, в обычно тихом и спокойном районе Хайгейта. Покойный, мужчина лет двадцати пяти, был убит выстрелом в голову, но особый интерес у полиции вызвал тот факт, что его руки до наступления смерти были связаны. Ведущий следствие инспектор Лестрейд склонен полагать, что эта ужасная смерть — разновидность казни и может иметь отношение к недавним беспорядкам на улицах Лондона. Жертвой, по словам Лестрейда, стал некий Джонатан Пилгрим, американец, который остановился в частном клубе в Мейфэре и, видимо, приехал в английскую столицу по делам. Скотленд-Ярд связался с американским посольством, но пока выяснить адрес убитого и найти его родственников не удалось. Следствие продолжается.

Глава 1

РЕЙХЕНБАХСКИЙ ВОДОПАД

Кто-нибудь верит в историю у Рейхенбахского водопада? Сколько о ней было написано! Но, как мне кажется, во всех случаях отсутствовала одна важная составляющая — конечно же, истина. Взять, к примеру, «Журналь де Женев» и «Рейтер». Их материал я прочитал от корки до корки — нелегкий труд, потому что и там и там изложение до боли сухое, как и в большинстве европейских публикаций, словно новости они пишут по обязанности, а читатели никого не интересуют. Что же я узнал из этих сообщений? Что Шерлок Холмс и его заклятый враг профессор Джеймс Мориарти встретились — и оба нашли свою смерть. С тем же успехом речь могла идти о столкновении двух машин на дороге — столько страсти вложили в свою прозу эти два уважаемых печатных органа. Даже от заголовков разило скукой.

Но более всего меня озадачивает то, как описал эти события доктор Джон Ватсон. Его подробный рассказ об этой истории опубликован в журнале «Стрэнд мэгэзин»: с той минуты, когда вечером 24 апреля 1891 года кто-то постучал в дверь его врачебного кабинета и до завершения его поездки в Швейцарию. Я в восхищении снимаю шляпу

перед мастерством хроникера, описавшего приключения, подвиги, быт и каждодневные действия великого детектива. Сидя за своей улучшенной моделью пишущей машинки «Ремингтон номер 2» (естественно, американское изобретение) и начиная этот грандиозный труд, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что мне едва ли удастся соперничать с доктором Ватсоном в точности и увлекательности изложения, чему он остался верен до самого конца. В то же время я спрашиваю себя: как он мог до такой степени все исказать? Ведь в этом деле столько очевидных нестыковок, что на них обратил бы внимание самый безмозглый комиссар полиции! Роберт Пинкертон говорил, что ложь — это как дохлый койот. Падаль — чем дольше лежит, тем больше смердит. И он бы наверняка сказал: от истории с Рейхенбахским водопадом за милую разит дерьмом.

Прошу простить, если вам кажется, что я слегка перегибаю палку, но мой рассказ — вот это повествование — начинается именно с Рейхенбаха, и все последующее описание едва ли покажется связным, если не изучить факты, причем самым внимательным образом. Следующий вопрос: а кто, собственно говоря, я такой? Вы же должны знать, в чьей компании оказались. Позвольте сказать вам, что меня зовут Фредерик Чейз, я старший следователь детективного агентства Пинкертона в Нью-Йорке, в Европе оказался в первый и, вероятнее всего, последний раз в жизни. Внешность? Вообще говоря, человеку трудно описать себя самого, но скажу откровенно: красавцем себя никогда не считал. Волосы черные, глаза карие, совершенно

заурядного оттенка. Худощав, за сорок, достаточно нахлебался за свою нелегкую жизнь. Холост, о чем, к сожалению, можно судить по моему гардеробу, местами заметно обветшавшему. Если в комнате соберется дюжина мужчин, я открою рот в последнюю очередь. Уж такой я человек.

Я оказался в Рейхенбахе через пять дней после столкновения, которое стало известно миру как «Последнее дело Холмса». Ничего «последнего», как нам теперь известно, в этом деле не было, и на многие вопросы только предстоит дать ответ.

Итак, начнем с самого начала.

Шерлок Холмс, самый выдающийся на нашей планете детектив-консультант, бежит из Англии, потому что опасается за свою жизнь. Доктор Ватсон, который знает этого человека лучше, чем кто-либо, и который не позволит сказать дурного слова в его адрес, вынужден признать: Холмс в это время далек от своей лучшей формы, крайне измотан из-за сложного положения, в котором оказался и на которое никак не может повлиять. Стоит ли его за это винить? За одно утро на него напали как минимум трижды. Сначала на Уэлбек-стрит мимо него пронесся и чуть не сбил запряженный парой лошадей фургон. Потом его едва не ударил по голове упавший или брошенный с крыши кирпич на Вир-стрит. А прямо у входа в жилище Ватсона его караулил какой-то вооруженный дубинкой и готовый пустить ее в ход ражий детина. Разве удивительно, что Холмс решил бежать из страны?

Да, удивительно. Других вариантов тоже хватало, и я просто не могу представить, что было у мистера Холмса на уме, как при чтении рассказов о его

приключениях я никогда не мог угадать, чем кончится та или иная история, какой бы эта концовка ни оказалась. Во-первых, с чего бы он взял, что на континенте он будет в большей безопасности, чем в непосредственной близости от своего дома? Лондон — это сплетенный из человеческих жизней густой клубок, город, который Холмс знает изнутри, где у него, по собственному признанию, есть много комнат («пять небольших пристанищ», по словам Ватсона) в разных частях Лондона, и адреса известны только ему.

Он мог изменить внешний облик. Собственно, он и так его изменил. На следующий день, когда Ватсон появляется на вокзале Виктория, он замечает пожилого итальянского священника, который беседует с носильщиком. Потом священник входит в вагон и садится рядом с Ватсоном, между ними завязывается разговор, и только через несколько минут Ватсон понимает: рядом с ним его друг. Холмс выглядит настолько убедительно, что вполне мог бы следующие три года играть роль католического священника и никто ничего бы не заподозрил. Он мог бы легко обосноваться в итальянском монастыре. Падре Шерлок... Это бы выбило его врагов из седла. Вполне возможно, его бы оставили в покое и позволили найти время для других увлечений, например для разведения пчел.

Но Холмс срывается с места и отправляется в путешествие, которое никак нельзя назвать продуманным, и просит Ватсона составить ему компанию. Зачем? Даже самый безмозглый преступник сообразит: куда поедет один, туда, скорее всего, поедет и другой. Не будем забывать, что в нашем слу-

чае речь идет о преступнике отнюдь не рядовом, это мастер своего ремесла, которого сам Холмс страшится и которым в то же время восхищается. Я не допускаю и мысли о том, что он мог недооценить Мориарти. Здравый смысл подсказывает мне: его намерения были иными.

Вот маршрут Шерлока Холмса: Кентербери, Ньюхейвен, Брюссель, Страсбург, и на всем этом пути за ним идет слежка. В Страсбурге он получает уведомительную телеграмму от лондонской полиции: вся шайка Мориарти обезврежена. Но эта информация оказывается ложной. Одной ключевой фигуре удалось проскользнуть сквозь расставленные сети, впрочем этот образ едва ли следует признать верным: такая крупная и жирная рыба, как полковник Себастьян Моран, к этим сетям даже не приближалась.

Кстати говоря, полковник Моран, лучший снайпер Европы, агентству Пинкертона был хорошо известен. К концу карьеры его знали все правоохранительные службы планеты. Когда-то он прославился тем, что за одну неделю в Раджастане пристрелил одиннадцать тигров — этот результат вызвал зависть у других охотников и ненависть у членов Королевского географического общества. Холмс называл его вторым самым опасным человеком в Лондоне, тем более что побудительным мотивом для него были исключительно деньги. К примеру, он убил выстрелом в голову весьма почтенную вдову миссис Абигайль Стюарт, когда та играла в бридж в гостинице «Лодер», лишь по одной причине: чтобы оплатить свои карточные долги в игорном клубе «Багатель». Любопытно, что,

когда Холмс читал телеграмму от лондонской полиции, Моран находился от него в какой-нибудь сотне ярдов, мирно попивая травяной чай на гостиничной террасе. Что ж, этим двоим вскоре предстояло встретиться.

Из Страсбурга Холмс перебирается в Женеву и неделю путешествует по заснеженным холмам и симпатичным деревушкам в долине Роны. Эту интерлюдия Ватсон характеризует словом «наслаждение» — с моей точки зрения, это слово вряд ли уместно в сложившихся обстоятельствах, и нам остается только восхищаться тем, как эти два близких друга получают удовольствие от общения даже в столь нелегкий час. Холмс все еще опасается за собственную жизнь, к тому же опять едва не становится жертвой несчастного случая. Он идет по тропинке вдоль озера Добензее, любуясь безмятежной стальной гладью воды, — и вдруг с горы над его головой срывается валун. Местный гид уверяет его, что подобное в здешних краях случается, и я склонен ему поверить. Я ознакомился с картами, проверил расстояния и пришел к выводу: враг Холмса его заметно опередил и уже ждет его прибытия. Так или иначе, Холмс убежден, что на него совершено очередное нападение, и проводит остаток дня в состоянии крайнего возбуждения.

Наконец, он добирается до деревни Майринген на реке Аар и вместе с Ватсоном останавливается в «Энглишер хоф», небольшой гостинице, хозяин которой — бывший официант гостиницы «Гросвенор» в Лондоне. Именно этот человек, Петер Штайлер, предлагает Холмсу посетить Рейхенбахский водопад, и некоторое время швейцарская полиция

подозревает его в том, что он подкуплен Мориарти, — это сразу позволяет нам сделать вывод об уровне следственной работы швейцарской полиции. Скорее всего, они получили категорическое распоряжение: найти снежинку в альпийском леднике. Я остановился в этой гостинице и лично разговаривал со Штайлером. Сказать, что он ни в чем не виноват, — мало. Это простолюдин, чьи интересы ограничены горшками и сковородками (по сути, хозяйкой гостиницы была его жена). Пока весь мир не постучал к нему в дверь, Штайлер и понятия не имел, кем был его знаменитый гость, и на известие о смерти Холмса отреагировал весьма своеобразно: а не назвать ли в его честь их фирменное фондю?

Разумеется, он посоветовал Холмсу сходить на Рейхенбахский водопад. Было бы странно, если бы такого совета не последовало. Этот водопад давно известен туристам и любителям романтических приключений. В летние месяцы вдоль поросшей мхом тропинки там и сям можно увидеть с полдюжины художников, пытающихся запечатлеть талые воды ледника Розенлау, которые обрушиваются в каньон с высоты трехсот футов. Но эти попытки не приносят успеха. В этом мрачном месте ты чувствуешь присутствие неких сверхъестественных сил, перед которыми робеют пастель и масляные краски художников, за исключением разве что самых великих. В Нью-Йорке я видел работы Чарльза Парсонса и Эмануэля Лойце — может, они и смогли бы с этими силами справиться. Казалось, ты присутствуешь при конце света... эдакий вечный апокалипсис: грохочет вода, паровой завесой поднимаются брызги, птицы в испуге улетают прочь,

вязнут в тумане лучи солнца. Скалы, что берут в кольцо этот яростный шквал, искромсаны, обветрены и несут на себе печать столетий. Некоторая любовь Шерлока Холмса к мелодраме здесь проявила себя в полной мере. Где, как не здесь, сыграть финальную сцену, да еще такую, которая, подобно самому водопаду, будет эхом вибрировать в грядущих веках.

Дальше начинаются странности.

Какое-то время Холмс и Ватсон стоят, глядя на удивительное явление природы, и уже собираются продолжить путь, но тут их удивляет своим появлением пухленький блондин лет четырнадцати от роду. Их удивление понятно. На парнишке — традиционный швейцарский костюм, плотно облегающие брюки убраны в гетры, доходящие почти до колен, белая рубашка, свободного покроя красный жилет. Обо всем этом написали многие (включая Ватсона), но даже притом, что я плохо разбираюсь в тонкостях жизни на европейском континенте, такой наряд мне кажется слегка нелепым. Все-таки это Швейцария, а не водевиль в королевском театре. По-моему, парнишка перестарался.

Как бы то ни было, он утверждает, что пришел из «Энглишер хоф». Там заболела женщина и по какой-то причине не хочет, чтобы ее осматривал швейцарский доктор. Так говорит этот мальчик. Как бы вы поступили на месте Ватсона? Отказались бы верить в эту маловероятную историю и никуда не пошли или оставили своего друга — в самый неподходящий момент, да еще и в месте, которое наводит ужас само по себе? О швейцарском подростке, кстати говоря, никто ничего больше не

писал — хотя нам с вами вскоре предстоит с ним встретиться. Ватсон высказывает предположение, что мальчик работает на Мориарти, но больше нигде о нем не вспоминает. Сам же Ватсон снимается с места, чтобы быстро оказать помощь несуществующему пациенту, — поступок великодушный, но необдуманый до крайности.

Прежде чем Холмс объявится снова, пройдут три года — для нашего повествования важно помнить, что в общем и целом все эти годы считалось, что Холмс мертв. И лишь много времени спустя он даст объяснение случившемуся (о чем рассказывает Ватсон в «Пустом доме»), и хотя по долгу службы мне довелось прочесть много объяснительных записок, они редко содержали в себе такое нагромождение невероятных совпадений. Однако таково изложение Холмса, и, видимо, мы должны принять его на веру.

Итак, Холмс утверждает: едва Ватсон ушел, на узкой тропке, огибающей водопад, появился профессор Джеймс Мориарти. Эта тропка резко обрывается, и версия о том, что Холмс пытался спастись бегством, не выдерживает критики... Тем более что — отдадим Холмсу должное — такое вряд ли пришло бы ему в голову. Этот человек всегда смотрел опасности в лицо, будь то ядовитая змея, жуткая отравка, способная лишить тебя рассудка, или чудовищная псина, которую спустили с поводка на болотах. Говоря откровенно, многие поступки Холмса приводили меня в замешательство, но бегство в их число не входило никогда.

Мужчины обмениваются репликами. Холмс просит разрешения оставить записку для своего

старого друга, и профессор Мориарти соглашается. Этот факт можно считать достоверным — предсмертная записка Холмса является одним из самых ценных экспонатов читального зала Британской библиотеки в Лондоне, где я видел ее собственными глазами. Но после того, как правила хорошего тона были соблюдены, мужчины кинулись друг на друга, и это была скорее не драка, а совместный акт самоубийства: каждый был полон решимости увлечь другого в бурлящую водную стихию. Возможно, так оно и было. Тем не менее у Холмса в запасе оказалось секретное оружие. Он владеет приемами баритсу. Я никогда не сталкивался с этой разновидностью боевых единоборств, но знаю, что это изобретение британского инженера, оно объединяет в себе элементы бокса и джиу-джитсу. И вот Холмс это оружие применяет.

Мориарти такого не ожидал. Поступательная сила выбрасывает его за край обрыва, и с жутким криком он летит в бездну. Холмс видит, как он ударяется о скалу и исчезает в бурных водах. Сам Холмс цел и невредим. Простите, но не кажется ли вам, что в этой схватке есть нечто, вызывающее недоверие? Задайте себе вопрос: а зачем вообще Мориарти понадобилась эта дуэль? Благородное геройство в духе стародавних времен — вещь замечательная (хотя я еще не встречал преступника, наделенного этим качеством), но ради какой цели ему надо было подвергать себя такой опасности? Ведь он вполне мог бы достать пистолет и расстрелять противника в упор?

Допустим, это странно, но дальнейшее поведение Холмса уже просто необъяснимо. Недолго ду-

мая, он решает использовать происшедшее для имитации собственной смерти. Он взбирается на скалу позади тропинки и прячется там вплоть до возвращения Ватсона. Понятно, что так не будет отпечатков второй пары ног, которые могли бы навести на мысль о том, что Холмс выжил. Но какой в этом смысл? Профессор Мориарти мертв, британская полиция объявила, что все члены его шайки арестованы, — почему же он продолжает считать, что ему угрожает опасность? В чем тут его выгода? Лично я на месте Холмса поспешил бы вернуться в «Энглишер хоф», чтобы съесть там сочный венский шницель и отпраздновать победу бокалом невшательского вина.

Появляется доктор Ватсон, а с ним — несколько мужчин из гостиницы и местный полицейский по имени Гесснер. Холмс их видит, но не обнаруживает себя, хотя прекрасно понимает, в какое состояние повергает своего самого верного друга. Они находят письмо. Читают его, понимают, что делать здесь больше нечего, и дружно уходят. Холмс начинает спускаться со скалы, и тут события приобретают еще один неожиданный и совершенно необъяснимый оборот. Оказывается, профессор Мориарти приехал на Рейхенбахский водопад не один. Холмс слезает по скале — что не просто само по себе, — и вдруг откуда ни возьмись появляется человек и пытается сшибить Холмса с его насеста, осыпая градом камней. Этот человек — полковник Себастьян Моран.

Но какого дьявола он здесь делает? Он был свидетелем схватки между Холмсом и Мориарти? Но тогда почему не попытался помочь своему? И где

его знаменитое ружье? Или величайший в мире снайпер случайно оставил его в поезде? Ни Холмс, ни Ватсон, да вообще никто не дал разумного ответа на вопросы, которые даже сейчас, когда я стучу по клавишам моей машинки, кажутся неизбежными. И, начав их задавать, я уже не могу остановиться. Я словно уношу ноги от преследователей, моя коляска мчит во весь опор по Пятой авеню, не тормозя на перекрестках.

Это почти все, что нам известно об истории у Рейхенбахского водопада. А теперь пришло время моего рассказа, он начинается через неделю после описанных событий, когда три человека собрались в усыпальнице церкви Святого Михаила в Майрингене. Один из них — детектив-инспектор из Скотленд-Ярда, знаменитой штаб-квартиры британской полиции. Его зовут Этелни Джонс. Второй — я.

Третий человек высок ростом, худощав, у него выпуклый лоб и запавшие глаза, которые, наверное, взирали на мир с холодной злобой и коварством — когда в них теплилась жизнь. Но сейчас эти глаза остекленели, угасли. На нем костюм с воротником-стойкой и длинный сюртук. Человека этого выловили в Рейхенбахском ручье, на некотором удалении от водопада. Левая нога сломана, на плече и голове другие серьезные раны, но причина смерти — утопление. Руки скрещены на груди, местный полицейский нацепил на кисть бирку. На ней написано имя: Джеймс Мориарти.

Именно из-за него я проделал долгий путь до Швейцарии. Судя по всему, я опоздал.

Горовиц Э.

Г 70 Мориарти : роман / Энтони Горовиц ; пер. с англ. М. Загота. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 384 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23793-3

В литературном и кинематографическом мире нет более популярного героя, чем Шерлок Холмс. Это имя стало сенсацией в 1890-х благодаря публикациям в журнале «Стрэнд», тиражи которого сразу выросли на треть. По числу экранизаций история о детективе с Бейкер-стрит попала в Книгу рекордов Гиннеса. О количестве литературных пастихей и говорить нечего, но официальное одобрение Фонда наследия Конан Дойла получил только Энтони Горовиц за свой роман «Дом шелка». И спустя три года после выхода этой книги Энтони Горовиц вернулся в мир великого сыщика.

После того как профессор Мориарти исчез в бурных водах Рейхенбахского водопада, в преступном мире образовалась «вакансия». Среди многочисленных претендентов на это место возникает поистине зловещая фигура. Детективному агенту из Нью-Йорка и инспектору Скотленд-Ярда — преданному поклоннику Шерлока Холмса — предстоит проложить путь через самые темные уголки столицы Англии, от элегантных площадей Мейфэра до причалов и закоулков лондонских доков, в погоне за тем, кто решительно заявляет о своих правах в качестве преемника Мориарти...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ
МОРИАРТИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Людмила Дубовая, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.08.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

H-MBB-32749-01-R